

Глава 9. Переправа душ

Едва жена старосты закончила свой рассказ, двор погрузился в мёртвую тишину.

Все присутствующие были так или иначе причастны к тем событиям. Возможно, они не принимали в них непосредственного участия, но все они были свидетелями этого кошмара, теми, кто позволил ему случиться.

Чэн Даню всё ещё не мог прийти в себя от потрясения.

Всё это казалось невысказанным. Как в их деревне могло произойти такое?

Жена старосты, закончив говорить, уже рыдала в голос.

В молодости это не казалось таким страшным, но с годами воспоминания, словно заноза, всё глубже впивались в сердце, не давая покоя.

— А потом, — внезапно произнёс Чу Вэй, — ваша жизнь, должно быть, превратилась в ад, потому что... они вернулись.

Чу Вэй ещё не было на свете двадцать лет назад, так что он не мог знать о тех событиях.

Но его догадка была абсолютно точной.

— Откуда ты знаешь? — изумлённо выдохнул кто-то.

И тут же осёкся, поняв глупость своего вопроса. С такими способностями, как у Чу Вэй, было бы неудивительно, если бы он знал и это.

Им было невдомёк, что Чу Вэй уже успел навестить того самого одинокого, всеми забытого «глупого дедушку» и из его обрывочных рассказов узнал некоторые подробности.

— Да, — утирая слёзы, проговорила жена старосты. — Потом наша жизнь превратилась в кошмар. Их души... вернулись.

То, что последовало за этим, стало для деревни тёмной страницей, о которой никто не хотел вспоминать.

Семья Ван Минго погибла страшной, несправедливой смертью, и, конечно же, их души не могли оставить жителей деревни в покое.

Но по какой-то причине, хотя призраки часто являлись жителям, до смерти пугая их, они ни разу никого не убили.

Тем не менее, люди жили в постоянном страхе, опасаясь в любой момент столкнуться с призраками той семьи.

Так продолжалось до тех пор, пока в деревне не появился странствующий даос, который и помог им решить эту проблему.

Все молча стояли во дворе. Воспоминания, пробуждённые словами, вновь заставили сердца сжаться от страха.

Чэн Даню потерял дар речи. Он всегда считал жителей своей маленькой деревни простыми и добрыми людьми, готовыми прийти на помощь друг другу. Но то, что он услышал, перевернуло всё его представление о мире.

Чу Вэй, пожалуй, был единственным, кто сохранял спокойствие. Сейчас главным было найти старосту.

— Как тот даос решил проблему? Расскажите подробнее.

Жена старосты была не в силах говорить, и вместо неё ответил другой житель.

Раз уж всё зашло так далеко, нужно было решать проблему, иначе рано или поздно беда коснётся их всех.

— Тот даос возвёл формацию. Сказал, что она усмирит их души, и они больше не смогут вредить людям.

Прошло больше двадцати лет, но события были настолько шокирующими, что каждая деталь врезалась в память.

Усмирит... Вредить людям...

Услышав это, Чу Вэй холодно усмехнулся. Его взгляд стал ледяным.

— Где эта формация?

— В горах. Чтобы жители случайно на неё не наткнулись, её построили в самой глуши.

Деревня была построена у подножия горы. Лесок, примыкавший к дому Чу Вэя, был лишь

окраиной огромного горного массива.

Дальше простирались величественные горы, окутанные вечным туманом, и древний лес. Именно там и была возведена формация.

Последние дни шли дожди, но сегодня, как назло, выглянуло солнце. Его лучи были ослепительно яркими, а жара — невыносимой.

Но в глубине горного леса царили зловещий холод и сырость.

Чу Вэй шёл, на ходу доедая лепёшку.

Утром он так торопился, что даже не успел позавтракать.

Впереди шли несколько человек, принимавших участие в тех давних событиях. Лесная тропа была едва заметна, и шли они медленно.

Чэн Даню упрямо следовал за ним, не говоря ни слова.

Эта мрачная тайна, хранившаяся столько лет, потрясла его до глубины души. Он до сих пор не мог прийти в себя, на его лице застыло отрешённое выражение.

Он шёл вплотную за Чу Вэем, словно тот был единственным, кому можно было доверять.

Ему не хотелось возвращаться домой, не хотелось слышать от родных подробности тех событий.

Если его семья тоже была замешана, он не знал, как сможет смотреть им в глаза.

Группа долго плутала по лесу.

Прошло больше двадцати лет, формация была скрыта в самой чаще, и те, кто вёл их, уже были немолоды и, несмотря на отчётливые воспоминания, теперь сами с трудом ориентировались.

— Я помню, что направление было это, но прошло столько времени... В лесу и не разберёшь, куда идти.

Один из мужчин вытер пот со лба и неуверенно огляделся.

Если они будут двигаться с такой скоростью, то, когда они найдут это место, староста, возможно, будет уже мёртв.

Поблуждав ещё немного, Чу Вэй остановился и огляделся.

На самом деле, он часто бывал в этом лесу. Тренироваться в деревне было неудобно, и, пользуясь своими способностями, он часто в одиночку уходил в горы, чтобы никто его не видел. Правда, он никогда не заходил так далеко в этом направлении.

Горный лес был огромен, и найти в нём крошечную, неприметную формацию было невероятно сложно.

А теперь ещё и выяснилось, что их проводники заблудились.

— Направление... вроде бы правильное. Вы же видите солнце, мы идём точно в ту сторону.

— Не спорьте. Прошло двадцать лет, всё так глубоко заросло. Кто теперь может помнить точно?

Они стояли в самой чаще горного леса. Солнце висело прямо над головой, был полдень.

Чу Вэй слушал их препирательства с ледяным выражением лица.

Собственно, с тех пор, как он услышал эту историю, его лицо не теплело.

— Чу Вэй, мы так давно здесь не были... правда, не можем найти дорогу.

— Лес слишком большой. Помним только направление, но теперь и в нём не уверены.

Несколько мужчин с надеждой смотрели на Чу Вэя. Хотя они и были взрослыми, всю надежду они возлагали на несовершеннолетнего юношу.

Чу Вэй не сдержал насмешливой ухмылки:

— Когда закапывали, думали лишь о том, чтобы подальше, да поглубже. Небось не думали, что сегодняшний день настанет.

Мужчины хотели возразить, но он был прав. Возразить было нечего.

Пока они беспомощно переглядывались, Чу Вэй неожиданно протянул руку, на которой лежал круглый предмет, похожий на компас.

Компас был маленький, размером с ладонь, сделан из дерева и покрыт сложными рунами.

Сверху была закреплена стрелка.

Мужчины смотрели на Чу Вэя, не понимая, что он делает. Он коснулся пальцем компаса, и тот бешено завращался, а затем указал в определённом направлении.

Чу Вэй пошёл вперёд, бросив Чэн Даню:

— Держись рядом.

Чэн Даню взглянул на него и послушно пошёл следом. Вечно болтливый и шумный парень теперь понуро брёл, поникнув головой.

Проводники, увидев, что Чу Вэй пошёл, поспешили за ним, опасаясь столкнуться с чем-то жутким.

Они шли по лесу ещё почти два часа, прежде чем Чу Вэй наконец замедлил шаг.

Все устали и умирали от жажды, но они так торопились, что ничего с собой не взяли, и даже не смели попросить об отдыхе.

По сравнению с усталостью, жизнь была важнее.

Когда Чу Вэй остановился, кто-то спросил:

— Дошли? Мне кажется, это место знакомо.

В этот момент по лесу пронёсся порыв ледяного ветра.

В лесу воцарилась мёртвая тишина, не было слышно даже пения птиц.

Мужчины невольно поёжились и придвинулись ближе к Чу Вэю.

Чу Вэй убрал компас и равнодушно произнёс:

— Теперь боитесь? Когда руки марали, почему не боялись?

Не то чтобы возмездия не было, просто время ещё не пришло.

Услышав это, Чэн Даню стало ещё хуже.

Он знал каждого в деревне. На Новый год он обходил все дома, получал сладости, конфеты и даже несколько медяков в качестве новогоднего подарка.

Он всегда был весёлым и беззаботным.

Он всегда думал, что все дяди и тётки, дедушки и бабушки — добрые. Он считал их деревню хоть и небогатой, но самым счастливым местом на свете.

Но теперь все его представления рухнули.

Оказалось, что люди могут быть такими, так искусно скрывая свои гнилые души и чудовищные преступления.

Если бы не неупокоенные души, вышедшие мстить, эта тайна так и осталась бы похороненной, и справедливость никогда бы не восторжествовала.

Мужчины, услышав упрёк Чу Вэя, смущённо потупились, но, боясь его силы, не смели ничего сказать.

В этот момент по лесу пронёсся ещё более сильный порыв ветра, такой, что трудно было открыть глаза.

Из глубины леса доносились едва различимые мольбы.

— Я знаю, что был неправ, я больше не осмелюсь. Брат Ван... отпусти меня, отпусти.

— Это я виноват, я должен был их остановить. Но я клянусь, я не трогал твою семью.

— Старик Чжан, который убил твоего сына, уже мёртв. Старик, который напал на тебя, сошёл с ума. Я хоть и был там, но клянусь, я никого не тронул.

Это был голос старосты. Он говорил со слезами, на грани нервного срыва.

Услышав его голос, группа бросилась в том направлении.

Миновав несколько высоких деревьев, они вышли на открытое место.

Перед ними была круглая поляна диаметром пять-шесть метров. На ней не росло ни травинки, что резко контрастировало с густым лесом вокруг.

В самом центре поляны сидел человек — это был пропавший староста.

Чу Вэй оказался прав, старосту привели именно сюда.

Одежда на нём была разорвана в клочья. Судя по всему, он пришёл сюда сам.

Если не ошибаюсь, кто-то управлял его телом.

Староста, казалось, не заметил их прихода. Он смотрел вверх, на его лице застыл ужас и отчаяние.

Чу Вэй проследил за его взглядом. Над головой старосты висела группа призраков. Их было ровно семь — убитая семья Ван.

Староста их не заметил, но все семеро призраков одновременно повернулись и уставились на пришедших. Их взгляды, хоть и бесплотные, казались материальными.

Мужчины не видели призраков, но почувствовали, как пронизывающий холод усилился. Иньская ци была настолько плотной, что даже стоя рядом, они не чувствовали ни капли тепла.

— Чу Вэй, почему здесь так холодно? — с тревогой спросил кто-то.

Словно в преисподнюю попали.

Чу Вэй, глядя на призраков, спокойно ответил:

— Потому что ваши старые друзья смотрят на вас.

Старые друзья... кроме семьи Ван, здесь не было никого.

Ноги у мужчин подкосились, и они рухнули на колени в направлении старосты.

— Старина Ван, это мы виноваты.

— Если у тебя есть обида, вымести её на нас, только не трогай наши семьи.

— Мы знаем, что были неправы.

Чу Вэй холодно наблюдал за их слезами и раскаянием, а затем перевёл взгляд на формацию.

Людская злоба поистине безгранична.

Староста наконец заметил их и с надеждой посмотрел на них, особенно на Чу Вэя.

— Чу Вэй, спаси меня, дядя. Они окружили меня, все они здесь...

Но лицо Чу Вэя оставалось холодным, как лёд.

— Вы знаете, для чего эта формация?

— Тот даос сказал, — ответил кто-то, — чтобы усмирить души, чтобы они не могли вредить людям.

Чу Вэй усмехнулся.

— Усмирить? Какое лицемерие.

В его голосе звучал сдерживаемый гнев.

— Это формация Запирания Душ. Души, запертые здесь, будут вечно томиться в этом месте, не имея возможности уйти, перевоплотиться или переродиться, пока не будут полностью уничтожены, развеяны в прах.

Все замерли.

— Тот даос сказал только про усмирение, — поспешно объяснил староста. — Он не говорил такого. Мы не знали, правда не знали.

В то время вся деревня была до смерти напугана блуждающими духами и хотела лишь поскорее решить эту проблему, не вникая в подробности.

В этот момент Чу Вэю отчаянно захотелось просто развернуться и уйти, оставив их на произвол судьбы.

Но, подняв глаза на витавшую в воздухе семью из семи человек, он не смог сдвинуться с места.

В этот миг призраки пришли в движение. Пронзительный рёв и вой разносились по лесу. Поднялся ураганный ветер, заставив деревья стонать и трещать.

Иньская ци, словно ледяной декабрьский снег, окутала всё вокруг. Мужчины, дрожа от холода,

сбились в кучу.

А староста, находившийся в центре формации, словно был схвачен невидимой рукой за горло. Его жизненная сила начала стремительно иссякать. Ещё немного, и он, как и старик Чжан, умрёт, иссушенный свирепыми призраками.

Чэн Даню невольно схватился за край одежды Чу Вэй.

В этот момент Чу Вэй двинулся. В его пальцах, неизвестно когда, появились талисманы. Его фигура мелькнула и исчезла.

В следующее мгновение он уже был рядом со старостой, метнув талисманы вперёд.

Талисманы столкнулись со свирепыми призраками, вызвав сноп искр.

Хватка на горле старосты ослабла, и он безвольно рухнул на землю, без сознания.

Однако ураганный ветер не стих, и даже небо над головой потемнело.

Формация Запирания Душ, простояв двадцать лет, наконец, дала трещину, выпустив на свободу семью, полную обиды и жажды мести.

Проведя столько времени в заточении, сжигаемые ненавистью, они давно превратились в свирепых призраков, одержимых лишь одной мыслью — отомстить.

Если их не остановить, вся деревня погибнет. Они будут убивать одного за другим, страшной, мучительной смертью.

Но если сделать это, семья из семи человек навсегда лишится пути к перерождению.

Единственный способ — усмирить их, развеять их обиду, а затем провести обряд переправы душ.

Осознав это, Чу Вэй одним пинком вышвырнул старосту из центра формации.

Теперь он сам оказался в эпицентре бури.

Холод, сырость, боль...

Вместе с воем и рёвом призраков он ощутил всё то, что они пережили.

Всё-таки это были свирепые призраки, копившие злобу более двадцати лет. Их сила была огромна.

Чу Вэй не мог заставить себя уничтожить их. Но усмирить их было нелегко.

Если бы не остаточная сила формации Запирания Душ, ему пришлось бы ещё хуже.

В этот момент призраки с разинутыми кровавыми пастьми, ревя, устремились к лицу Чу Вэй, намереваясь поглотить его.

Чу Вэй, казалось, принял решение. Он сложил два пальца, провёл ими по кончику правого указательного пальца, и из пореза выступила свежая кровь.

Этой кровью Чу Вэй быстро начертил в воздухе сложнейший талисман и, стиснув зубы, метнул его вперёд.

В тот же миг талисман вспыхнул ослепительным светом, таким ярким, что невозможно было смотреть. Этот свет в одночасье разогнал всю тьму, и ледяной лес наполнился теплом.

Всё вокруг замерло. Вой, рёв — всё исчезло.

Чу Вэй опустил руку. В ней висел прозрачный стеклянный шар, внутри которого метались тёмные тени, беспрестанно ударяясь о стенки в попытке вырваться.

Приглядевшись, можно было разглядеть искажённые от ярости лица, готовые, казалось, в любой момент разорвать его на куски.

Получилось. Он слабо улыбнулся, но тут же почувствовал резкую боль в груди, заставившую его закашляться.

Этот метод был опасен и истощал собственные силы, но, к счастью, всё получилось.

Чу Вэй радовался своему успеху, когда внезапно раздался обычно ленивый, а теперь полный гнева голос его Учителя:

— Безрассудство! Этому я тебя учил?!